

Глава 1

ЗЕВС-ГРОМОВЕРЖЕЦ

Он возник на ночной дороге подобно фантому.

Под дождем в сполохах молний он медленно ковылял по пустынному проселочному шоссе. Протягивал вперед руки, словно умоляя их остановиться.

Гектор Борщов резко дал по тормозам. Призрачная фигура застыла в нелепой позе с воздетой вверх правой рукой в трех метрах от капота его внедорожника.

Никто не знает, как бы развивалась *вся эта совершенно невероятная история*, если бы на темной подмосковной дороге Гектор и Катя Петровская, заговорившись, не пропустили поворот на федеральную трассу и не очутились на безлюдном глухом проселке в полях, когда в небе бушевала поистине тропическая августовская гроза.

Молнии сверкали ежесекундно. Удары грома сотрясали облака и землю. Дождь лил стеной. Неудивительно, что в такую непогоду даже навигатор не особо помогал и они просто заблудились.

И вдруг на дороге в свете фар и сполохах молний появился человек.

— Ты больной?! Под колеса бросаешься? Жить надое-ло? — крикнул ему Гектор Борщов, выскакивая из внедорожника.

Катя замешкалась, возилась с молнией дождевика, который ей привез Гектор.

Когда она вслед за ним подошла к незнакомцу, застывшему, словно в ступоре, на дороге с поднятой вверх рукой, она внезапно ощутила тревогу.

Что-то здесь не так...

Нехорошо...

Скверно...

И этот незнакомец...

Хотя она, кажется, видела его уже и... совсем недавно...

Но то, как он выглядит сейчас, — уму непостижимо!

— Эй, что с вами? Вы в порядке? — Полковник Гектор Борщов сам выглядел озадаченным, а уж он повидал на своем веку немало всякого странного. — Ты откуда здесь взялся?

— Зонт... я поставил его на крышу, зацепив за дверь. Дворники не справлялись. Я вышел их поправить. — Незнакомец смотрел мимо них в темноту, словно и не замечал, что они стоят рядом. Взгляд пустой, бессмысленный. — Вспышка... Я ослеп...

— Какая вспышка? — Гектор заглядывал ему в лицо. — О чем вы говорите?

— Она привязана к пластиковому креслу веревкой!!! — громко хрипло выпалил незнакомец. — Она на террасе дома. Не того, что строится. А старого, деревянного. Я вижу ее... Столько крови... на полу целая лужа... И на стене — брызги... Кровь... кровь...

Пауза.

Катя сразу растеряла все слова и вопросы.

Голос незнакомца, когда он произносил это, внезапно резко изменился — остался все таким же сиплым, однако превратился в срывающийся тонкий фальцет.

Нечеловеческий какой-то голос. Птичий.

Или почти детский.

А на вид парню под тридцать или немногим меньше.

И мороз бежит по коже, лишь представишь, что ребенок способен кричать *вот так*.

— Половина ее лица почти отрублена. Топор вонзился со всего размаху. Зубы... она оскалила зубы... У нее горлом хлещет кровь. С топором в голове она рванулась и поднялась вместе со стулом, задела стену... Часы с кукушкой... Старые... Они свалились на пол. Желтые обои в цветочек... Фонтан крови... Она даже не могла закричать. Топор отрубил ей язык... Вспышка...

Незнакомец внезапно выпрямился, вытягиваясь в струну, и с воздетой рукой вертикально, как статуя, начал падать в сторону Кати.

Она бы не удержала его — он грохнулся бы на мокрый асфальт.

Гектор подхватил его под мышки.

— Огонь, — прошептал незнакомец. — В их доме начался пожар.

Синие сполохи — взыв сиреной, возле «Гелендвагена» Гектора остановилась полицейская машина Кашинского УВД.

Катя даже не заметила, как она подъехала, — до того ее потрясли слова незнакомца.

— Что у вас? ДТП? — из машины высунулся патрульный.

— Не авария. Мы сами пока никак не пойдем! Человек на дороге. И ведет себя неадекватно. — Катя наконец-то подобрала слово — *неадекватный*...

Именно так в тот момент она и могла его описать.

— Пьяный или нарик? — патрульные приблизились к Гектору Борщову, удерживавшему на весу незнакомца.

Тот не потерял сознание. Не отключился. Он просто словно утратил способность стоять на ногах. Взгляд его был все тот же — пустой и бессмысленный, при этом одновременно устремленный куда-то вглубь, в себя.

— Алкоголем от него не пахнет, насчет наркоты не знаю. — Гектор как мешок встряхнул незнакомца, стараясь поставить его на ноги, — тщетно.

— А почему он так выглядит? — спросил один из патрульных.

На незнакомце были черные брюки и белая рубашка. Галстук-бабочка. Рубашка промокла насквозь и вся прострела темными пятнами.

Грязь... нет, копоть. Сажа.

И волосы... Его темные кудрявые мокрые от дождя волосы тоже пахли гарью.

Не дым, но гарь...

Запах большого пожара?

Катя огляделась по сторонам — тьма. Она надвинулась на них со всех сторон. Но в ночи нигде не видно зарева.

— Вы из пресс-службы главка ведь, да? — патрульные узнали Катю. — А это кто с вами?

— Полковник Борщов, — Гектор представился сам.

— А шизик, он ваш знакомый?

— Да нет же, нет! — заверила патрульных Катя. — Мы его увидели сейчас на дороге. Он шел оттуда. — Она указала направление. — И он... Слушайте, да это же тромбонист!

— Кто? Какой тромбонист? — Гектор воззрился на Катю удивленно.

— На сегодняшних похоронах и поминках начальника здешнего УВД полковника Варданяна играл джазовый оркестр — весь вечер в ресторане загородного комплекса. — Катя внимательно всматривалась в лицо незнакомца. — Я его узнала. Он тромбонист джазового оркестра. Гек, он менял тромбоны во время игры — то один брал, то другой. Я еще обратила внимание — его инструменты звучали по-разному, то ниже регистр, то выше, траурные мелодии, причем армянские. И он в ресторане тоже неловко двигался. Он хромал.

— Лужа крови на полу, море крови, — отрешенно, однако очень внятно, четко повторил тромбонист. — Топор разрубил ей лицо. Разрубил ее мозг.

— Он твердит о каком-то убийстве, — объявил Гектор насторожившимся полицейским. — Так, коллеги, посадите его в свою машину. Может, придется вызвать сюда на место еще кого-то, смотря по обстоятельствам, невзирая на ваши местные печали, похороны и поминки. Мы сейчас с коллегой проедем вперед по дороге — в том направлении, откуда он шел. Глянем, что и как.

Гектор передал тромбониста озадаченным патрульным. Те стали усаживать его на заднее сиденье полицейской машины. Но давалось это с трудом — словно куклу деревянную они заталкивали. У тромбониста не гнулось тело.

Левая брючина его задралась, и Катя и Гектор увидели, что у него вместо ноги — современный стальной протез, на который надет шегольской концертный ботинок.

— Он безногий, инвалид, — Гектор нахмурился. — Катя, мы проедем, посмотрим сами, что впереди на дороге. Мы сейчас вернемся, — бросил он патрульным.

— Может, нарику «Скорую» вызвать? — спросил один из них.

И в этот момент тромбониста бурно стошнило прямо на мокрый асфальт.

— Точно обколотый! Или «колес» наглотался. Ну, урод, если салон нам уделаешь, пеняй на себя! — заорал в гнев патрульный. Милосердие его как ветром сдуло.

Катя и Гектор вернулись в машину. И на малой скорости поехали вперед.

Катя обратила внимание, что за все время, пока они находились на дороге, по глухому проселку, кроме них и патрульных, больше никто не проехал. Ни одной машины. Ни легковушек, ни большегрузов.

Никого.

— Гек, что это такое? — спросила Катя.

— Спокойствие, только спокойствие. — Гектор вглядывался в темноту. — А вон и тачка.

На перекрестке стояла машина с распахнутыми дверями — задней и передней со стороны водителя. Катя и Гектор вышли из внедорожника и направились к ней. Грозовой ливень сменился редким дождем, капли дробились в лужах воды, заполнившей дорожные ямы и выбоины.

Перекресток оказался пересечением проселка и бетонки. Она направо уводила в темноту — Катя с трудом различила очертания какого-то строения за забором на фоне леса. Влево бетонка вилась в поле в направлении рощи. Сквозь деревья мелькали редкие электрические огни.

Дальше по проселку виднелся освещенный съезд к автозаправке, стоявшей вдалеке от дороги. До нее, правда, было весьма прилично.

У брошенной машины с открытыми дверями не горели фары. Катя, подойдя, различила в воздухе сильный стойкий запах гари и нагретого металла. Капюшон черного дождевика, привезенного заботливым Гектором, то и дело сползал ей на лицо, закрывая обзор. Она выглядывала из-под него и путалась в длинном дождевике, словно гном. Гектор откинул капюшон своего черного дождевика и осмотрел машину, салон.

— «Рено Логан» с ручным управлением, старая модель, — констатировал он. — Инвалидка. А это что еще здесь?

На распахнутой двери со стороны водителя находился некий предмет — Катя сначала даже не поняла, что перед ними. Антенна? Но то был большой зонт, напрочь лишенный ткани купола — ее обгорелые клочья свисали вниз с голых обугленных спиц. От зонта несло горячим металлом. Навершие было полностью расплавлено. Пластиковая ручка сгорела и тоже оплавилась. Зонт упирался спицами, которые почернели от копоти, в дверь и крышу машины.

— Передняя шина со стороны водителя спущена и обуглена. — Гектор наклонился над колесом. — И диск оплавился.

Он обошел «Рено». Катя держалась за ним. На заднем сиденье — два музыкальных футляра. И клетчатый плед.

— Тромбоны, его музыкальные инструменты, — сказала Катя и...

Споткнулась обо что-то.

Ноги ее запутались в чем-то мягком, мокром.

На асфальте валялся пиджак от концертного смокинга. Катя наклонилась и подняла его. Положила на капот.

— Тромбонист в нем выступал. Они все облачились в черное. Траур же. Весь их джазовый оркестр, — пояснила она.

— Странно приглашать джаз на похороны начальника полиции, — заметил полковник Гектор Борщов. — На таких мероприятиях больше востребованы духовые и литавры, нет?

— Маэстро — вроде знакомый покойного. Его земляк, армянин. Так мне пояснил мой шеф пресс-службы, я тоже джазу на похоронах удивилась. Но это, видимо, дань памяти покойному.

— Диаспора, они друг за друга горой. — Гектор полез в бардачок, вытащил пачку документов. — Бумаги водителя на месте.

Он быстро просмотрел их.

— Зарецкий Евгений Георгиевич. Наш тромбонист?

— Гек, что здесь стряслось? А?

Гектор убрал в карман дождевика документы.

— Есть одно предположение, но давайте, Катенька, сначала посетим автозаправку.

— Машина же до нее не доехала, — заметила Катя.

— Там может быть камера. Вдруг нам повезет? — Гектор взял Катю за руку и повел ее к внедорожнику.

На автозаправке они очутились уже через пять минут.

— На дороге ЧП. Есть пострадавший. Камеры у вас имеются? В рабочем состоянии? — спросил Гектор вышедшего на их сигнал-гудок рабочего.

На автозаправке в поздний час находились всего двое из персонала — заправщик и оператор — он же кассир, он же охранник. Гектор повторил оператору свои вопросы. Катя всегда поражалась его манере моментально подчинять себе всех и все, брать ситуацию под контроль. Вот и здесь, на заправке. Ей даже не пришлось возвещать — полиция! Хотя Гектор Борщов никогда ни к какой полиции не принадлежал. Но общались работники заправки именно с ним и отвечали ему, словно сразу уразумев: этому человеку лучше подчиниться.

— У нас только одна камера в рабочем состоянии осталась. — Оператор покорно, не требуя у Гектора никаких удостоверений и корочек, впустил их в служебное помещение: на столе монитор. — А что случилось-то?

— ЧП почти рядом с вами на проселке. Вы ничего такого не слышали? Подозрительного? — деловито спросил Гектор.

— Гроза с вечера бушевала. У нас в громоотвод как шарахнуло! Я думал, крышу снесет. И потом сверкало и громыхало прямо над нами, очень близко. — Оператор переключил монитор на камеру внешнего обзора. — У нас только кусок дороги прилегающий просматривается. А какой временной промежуток вас интересует?

— Весь, как гроза началась и дождь полил, — ответил Гектор Борщов.

Он расстегнул молнию дождевика и по привычке сунул руки в карманы брюк своего черного строгого костюма.

Катя отметила, что он не сменил свой черный костюм с прошлой ночи, которая ее сильно встревожила. Так и приехал за ней в дальний подмосковный Кашин, чтобы лично забрать ее и отвезти домой с поминок полковника Варданяна.

Они стояли у монитора и просматривали запись с камеры. Ничего. Серый экран. Таймер отсчитывал минуты. Пустая дорога. Ливень. Видимость очень плохая.

— Ни одной машины, Гек, — заметила Катя.

— Не торный у вас тракт, — бросил Гектор оператору.

— Потому что раскопали все впереди, у Разлогов, — ответил тот со вздохом. — Агрохолдинг теплицы новые вознамерился строить, тянут они туда с начала лета газопровод и силовые кабели. Через полтора километра все перекопали. Местные знают, и дачники в курсе, поэтому сюда уже месяц никто не сворачивает. Весь бизнес нам порушили. До осени будут рыть. А приезжих, кто впервые здесь, мало. И потом, на повороте на федеральную трассу ГИБДД дорожный знак поставила — объезд.

— А мы, Катя, знак пропустили, — сказал Гектор. — И тромбонист Зарецкий несведущ в здешних местах, кажется, тоже.

На экране монитора не происходило ничего — все та же серая картинка. Катя подумала: нет, они ничего не узнают путного на автозаправке.

Как вдруг...

Гектор что-то заметил, а она, растяпа, как всегда, нет — он потянулся сам к компьютеру и, не спрашивая разрешения, быстро, профессионально переключился на дальний обзор, одновременно укрупняя кадры.

Все размыто, нечетко. Ливень.

Катя увидела на экране монитора машину — светлую, ту самую. «Рено». Она въехала в кадр и остановилась.

Гектор еще больше укрупнил кадр. Видимость ухудшилась, картинку размыло, однако можно было различить, как...

Из машины со стороны водителя вышел человек. Он неловко тянул что-то за собой.

Зонт. Он пытался раскрыть большой черный зонт под проливным дождем в сполохах молний. Раскрыл и... засуетился. Сунулся было к лобовому стеклу, к дворникам...

Зонт... Я пытался поправить дворники...

Катя вспомнила слова тромбониста.

С зонтом в руках ему было это делать сложно, и он водрузил его наверх, уперев в дверь и в крышу машины. Нагнулся, начал поправлять дворник.

Вспышка.

То была молния!

Человек в кадре замер, затем, хромая, торопясь изо всех сил, обошел капот и начал поправлять второй дворник. Повернулся и распахнул заднюю дверь «Рено» — возможно, хотел что-то достать — куртку или плащ...

И в этот момент серый кадр разорвал яркий ослепительный сполох. Зигзаг! Вспыхнуло над самой машиной, над укрепленным на двери зонтом, который сыграл роль...

— Черт, молния ударила прямо в зонт, он стал проводником! — воскликнул Гектор. — Я так и думал, но...

На экране шли помехи. Уже нельзя было ничего различить.

А потом экран погас и таймер отключился, запись оборвалась.

— Зонт сгорел и расплавился, колесо обуглилось, мотор вырубился, тоже, возможно, сгорел. Как только бензобак не взорвался. — Гектор покачал головой. — Ну и ну! Случай на грани фантастики. А тромбонист, куда он делся после попадания молнии в машину?

Он стал сам перематывать запись с камеры вперед — ничего, никаких изображений. Затем снова возникла серая картинка, пошли помехи.

— Зарецкий при ударе молнии находился с другой стороны от зонта, да? — уточнила Катя.

Она все еще с трудом верила в то, что могло произойти. Однако снова вспомнила тромбониста — запах гари от него, пятна копоти на концертной рубашке.

— Здесь временной пробел в час двадцать, — сказал Гектор, сверяясь с таймером. — А еще примерно через чет-

верть часа он возник перед нами на шоссе. Где он был все это время? Что он делал? И что он видел?

— Разве человек, переживший удар молнии, может что-то делать или видеть? — усомнилась Катя.

— Непосредственно в него молния не попала. Речь может идти о контузии. Или о посттравматическом шоке, судя по его состоянию. Но передвигался он сам — мы с вами свидетели. — Гектор обернулся к притихшему оператору автозаправки, который вообще не понимал, что происходит. — Так, запись эту скопируйте прямо сейчас, при мне. Может понадобится для будущего расследования. Давайте, давайте, шевелитесь, флешка есть чистая? Нет? Натэ, скопируйте на мою, — он протянул оператору флешку, которую достал из кармана черного пиджака. — Быстро, быстро, без лишних разговоров. Не пререкаться.

— При расследовании чего, Гек? — тихонько спросила Катя.

— Тромбонист... что-то видел, — так же тихо в тон ей ответил Гектор.

Он забрал флешку с записью, покровительственно поблагодарил работников «за содействие», и они вернулись к внедорожнику, выехали с автозаправки и направились к брошенной машине.

На перекрестке возле нее уже стояли два полицейских авто — патрульная и «УАЗ» подполковника Александра Веригина, временно исполнявшего обязанности начальника Кашинского УВД после столь неожиданной для всех гибели в ДТП прежнего начальника полиции.

Веригина, одетого по гражданке, в темный костюм, Катя видела на поминках в шатрах, установленных на территории загородного комплекса. Когда все приехавшие на похороны начали вечером разъезжаться, он отправился сопровождать до границ Кашина высокое министерское начальство. И вот, видимо, его вернули с полдороги подчиненные.

— Александр Павлович, фамилия водителя машины Зарецкий, он музыкант — тромбонист из джаза, что играл сегодня на поминках. Мы считаем, что в его зонт попала молния. — Катя сама обратилась к подполковнику Веригину, быстро рассказала, что они узнали и увидели на дорожной камере автозаправки.

— Он постоянно бубнил о каком-то убийстве, когда мои сотрудники вызвали меня. Я сначала, как и они, решил, что он наркоман и все выдумывает. Однако он заладил свое, завелся как механический апельсин — «она привязана к креслу, топор отрубил ей пол-лица, вонзился в мозг». Необходимо, конечно, проверить такое. — Веригин глянул на высокого Гектора Борщова, тот молча протянул ему документы, взятые из бардачка.

— А вы кто, собственно? — поинтересовался Веригин.

— Полковник Гектор Борщов.

— Слышал о вас. Как вы в Староказарменске разруливали непростую ситуацию. Кто не знает полковника Гектора Игоревича Борщова. — Веригин криво усмехнулся. — Быстро же сюда вас ветром попутным принесло. Когда такие фигуранты вырисовываются — вы моментально являетесь.

— Какие еще фигуранты? — спокойно спросил Гектор.

— Знаете, кто в той хате живет? — Веригин указал в сторону перекрестка, откуда бетонка уводила направо, в темноту, где скрывалось какое-то строение за забором. — Мамаша Кривошеева с сиделкой.

— Тележурналиста Кривошеева? — переспросил Гектор.

— Его самого. Полгода назад он купил здесь по дешевке дом. Сейчас много собственности на продажу выстав-

лено. Он и подсуетился. В чудного джазиста с похорон шарахнула молния, но не убила. Вызвала этот его ступор — не ступор. Уж и не знаю, что это. Он вроде видел, как кого-то зарубили топором, причем сначала связали. А «Рено» его здесь брошен на перекрестке. Я парня лично осмотрел, когда на место приехал. На нем нет ни следов крови, ни ран, никаких внешних повреждений. Одежда вся мокрая и грязная. От перекрестка до дома Кривошеевых не более трехсот метров. Если музыкант после удара молнии куда-то отправился — что, в общем-то, невероятно, то только в этом направлении. И если что-то и видел, то у кривошеевских старух.

— Давайте сейчас вместе и проверим, — командирским тоном распорядился Гектор Боршов.

Патрульные остались возле «Рено» Зарецкого, подполковник Веригин сел за руль «УАЗа», Катя и Гектор в свой внедорожник, и через пять минут они затормозили возле сплошного высокого забора, в ворота которого упиралась бетонка.

Тележурналист Кривошеев, селебрити... В памяти Кати сразу явился образ — смесь истеричности, хамства, вседозволенности и бешеной озлобленности, почти граничащей с бесноватостью. Странно лишь, что мать столь обеспеченного, известного представителя массмедиа живет в кашинской глухомани, а не в его поместье на Рублевке.

За забором виднелись лишь крыша на фоне деревьев и верхняя часть застекленной террасы...

— Терраса, Гек, — шепнула Катя, когда они вышли. — Тромбонист твердил, что жертву привязали к креслу именно на террасе.

Тьма. Ни огонька.

Подполковник Веригин постучал в запертую калитку:

— Откройте! Полиция!

Нет ответа. Дом выглядел мертвым. Необитаемым.

— Эй! Есть кто живой? — крикнул громко Гектор и ша-рахнул кулаком в створ ворот.

— Убили старух, ограбили дом, — подполковник Веригин достал мобильный, позвонил патрульным. — Быстро сюда ко мне и вторую машину с маршрута вызывайте! Нам калитку сейчас болгаркой вскрывать придется.

Гектор смерил глазами забор, чуть отошел и... его фирменный удар ногой с разворота в створ ворот!

Стальной замок, запертый изнутри, треснул. Ворота со скрипом распахнулись.

На грохот во тьме раздался истошный поросычий визг.

В глубине дома на первом этаже зажегся свет. Тень пронеслась по темной террасе. Распахнулась входная дверь, и на ступеньках в свете тусклого садового фонаря появились две фигуры.

Тощая жилистая всклокоченная старуха в некогда дорогом атласном розовом халате, ныне грязном и засаленном. И толстая пожилая женщина крепкого сложения в спортивном костюме.

— Да что же это делается?! — заорала она. — Вы кто такие, чтобы ночью к нам домой вламываться?!

— Полиция... Мы думали... А у вас все в порядке? — Веригин лишь на секунду смутился и замешкался, затем решительно направился к дому. — Почему не открывали нам так долго?

— Да я на унитазе! Что я, с голым задом из уборной полиции открывать полечу? — выходила из себя тетка в костюме. То была сиделка.

Когда Катя вслед за Гектором приблизилась к крыльцу, она ощутила чудовищную вонь, что тяжелыми волнами наплывала со стороны обитательниц дома.

— Рядом с вашим домом ЧП. Мы решили, что к вам грабители забрались в дом, убийцы, — спасаясь от вони,

Веригин тоже старался дышать ртом. — Так у вас... все хорошо?

— Нищие голодранцы! — заорала старуха Кривошеева, и ее фальцет снова сорвался на тот самый поросячий визг, что вспорол темноту.

— А почему у вас свет нигде не горит? В темноте ползаете?

— Так сынок сам лично нам все лампочки вывернул! В июне приехал и повыворачивал — мол, дни и так длинные, ночи короткие. Чего электричество зря жечь? Оставил нам лампочки на кухне, в уборной, да на террасе, где телевизор — ящик его. А верх сплошь темный у нас. Кому рассказать — такой сквалыга, жмот!

В этот момент старуха Кривошеева, никого не стесняясь, задрала полы своего грязного атласного халата, обнажая тощие ноги, и сунула руку в столь же грязные панталоны.

Она с торжествующим воплем выпростала руку наружу — кулак сжимал газовый баллончик!

Гектор с его мгновенной реакцией, схватив Катю в охапку, рванул в сторону. Веригин замешкался, и ему досталась порция «перцовки» в лицо. Он закашлял. Но больше всех пострадала сиделка.

Однако она не растерялась. Сгребла старуху Кривошееву за шиворот халата и силой поволокла ее в дом, кашляя, отплевываясь от «перцовки», изрыгая чудовищные проклятия.

Подполковник Веригин, тоже все продолжая кашлять, тер глаза, старался глубоко дышать после газового баллончика.

— Старые гарпии, — подвел итог Гектор Борщов, когда они покинули негостеприимный участок. — Но самое главное, что обе живы-здоровы. Если что-то и случилось нынешней ночью, то не здесь.

— Честно говоря, тромбонист Зарецкий и видеть ничего у старых гарпий не мог, — заявил Гектор Кате, когда подполковник Веригин сел в свой «УАЗ» и был таков, а они вернулись во внедорожник. — Забор у старух высокий, с протезом он бы через него никогда не перебрался. Калитка и ворота заперты изнутри. Так что... не наше это с вами дело разбираться дальше во всей этой странной истории. А? Не наше? Или... — Он искоса, словно заговорщик, глянул на Катю — непередаваемое выражение Гектора-лицедея. — Все же рискнем — навестим тромбониста в больнице? Может, еще что выложит?

Подполковник Веригин еще до визита к гарпиям приказал патрульным доставить Зарецкого в местную больницу. Патрульные забрали и машину музыканта (она не завелась), на тросе ее поволокли на стоянку Кашинского УВД.

Катя глянула на Гектора и кивнула. Она адски устала, но... Что-то подсказывало ей: невероятный случай с ударом молнии на ночной дороге нельзя бросать сейчас. Надо, по крайней мере, узнать еще хоть какие-то подробности о парне, кричавшем про убийство, якобы случившееся на его глазах. Было убийство или его не было? Реальность или бред, вызванный шоком от удара молнии и контузии? Галлюцинация? Выдумка? Или же... правда?

Да, бесспорно, ей сейчас хватало собственных волнений — после прошлой ночи, когда Гектор встревожил ее до крайности. Но они так и не успели об этом — столь важном и насущном для них обоих — поговорить. А сейчас вдруг подоспела ночная катавасия, в которую они, сами того не желая, окунулись прямо с головой как в омут.

Катя чувствовала: обсуждать их собственные дела с Гектором сейчас не получится. Потому что он желает разобрататься в ночном происшествии. Он так решил сам. Он не то чтобы заинтригован — он настрожен.

Неужели поверил чокнутому тромбонисту? Его безумным криком, что какую-то женщину... на его глазах зверски убили?

Гектор по навигатору отыскал, как добраться до Кашинской больницы, и они свернули на дорогу, петлявшую в полях.

Пока ехали, Катя подробно рассказывала ему о том, чему стала свидетельницей, прибыв в Кашин вместе со всем коллективом пресс-службы и коллегами из главка на похороны местного начальника УВД полковника Карапета Варданяна.

Варданян в главке считался назначенцем министерства, где имел обширные связи. Пять лет назад он получил должность начальника Кашинского УВД, став «варягом», подвинув местных сотрудников, жаждавших продвижения по службе, и все годы был на хорошем счету.

Десять дней назад он возвращался из Москвы в Кашин, и на шоссе на светофоре в его «Лексус» въехала груженная фура, водитель которой заснул за рулем.

В УВД его трагическая гибель стала полной неожиданностью, а похороны все откладывались, потому что на них должно было прибыть в Кашин не только высокое министерское начальство, но и многочисленная родня и знакомые из Армении и стран СНГ.

В небогатом Кашине и места достойного не нашлось — ресторана или отеля, чтобы вместить всех и принять траурные мероприятия по полковнику полиции, которые просто поражали размахом, шиком и дороговизной.

В Кашине жили бедно, скудно и скромно — дальний подмосковный сельскохозяйственный район, где не удо-

сужились даже построить железнодорожную станцию, где до горизонта тянулись бескрайние поля картофеля и кормовой свеклы, где местные жители работали в агрохолдингах, на трех молочных фермах, на птицефабрике и зубами держались за любую работу, потому что ездить куда-то из Кашина на рейсовых автобусах, не имея личного транспорта, было тяжело и долго.

Для поминок по начальнику УВД все же сняли местный загородный комплекс — старый обветшалый дом отдыха с баней и сауной. Ресторан всех не вмещал. И на территории комплекса установили гостевые шатры. Столы ломились от поминальных угощений — диаспора привезла много свежих вкусных продуктов с собой, потому что на Кашинском рынке и в городском супермаркете разносолов особых не водилось.

Хоронить Карапета Варданяна на местном городском кладбище родня тоже не собиралась — после затянувшегося многочасового прощания роскошный лакированный гроб с телом покойного на катафалке в сопровождении полицейских машин отправили на подмосковный аэродром, откуда грузовой самолет должен был доставить его в Ереван, чтобы полковника похоронили вместе с родителями.

Однако из-за грозы погода была нелетной, с аэродрома звонили, что вылет откладывается, и поминки начались с большим запозданием. Уже в сумерках.

В большом шатре приглашенный джаз играл траурные мелодии. Катя пыталась как можно подробнее рассказать Гектору — каким именно она видела тромбониста в нормальной ситуации, фактически на его работе.

Джазом руководил земляк Карапета Варданяна — армянский маэстро. А Зарецкий играл в оркестре сразу на двух тромбонах — ловко менял их, не нарушая ни ритма, ни стройности звука.

Затем к джазу присоединился дудук — национальный армянский инструмент. И его скорбная и древняя мелодия вплеталась в шум погребальной тризны, в разговоры — пересуды за столом, сопровождаемые августовским ночным ливнем, раскатами грома и сполохами молний.

Среди молний то и дело тускнели и гасли гирлянды лампочек в шатрах. Вскakiвал из-за стола кто-то из гостей и на русском и армянском произносил проникновенный длинный тост, где полковник Варданян представлял в самом лучшем свете — Брат! Джан! Друг! Истинный профессионал!

Музыкантов джаза под конец тоже усадили за стол — есть, пить, поминать. И Катя вспомнила, как тромбонист в концертном черном смокинге и галстукe-бабочке уложил свои блестящие тромбоны в футляры и захромал к столу. Она видела, что он положил себе полную тарелку эчмиадзинской долмы и со стаканом морса в руке оживленно разговаривал с маэстро — тот, видно, держал его в любимчиках и все советовал попробовать того-сего из армянских национальных блюд.

А затем Катя потеряла тромбониста из вида. Гектор прислал ей сообщение — он приехал в Кашин и ждал ее в машине у ворот комплекса. Катя искала момент наконец-то покинуть затянувшийся погребальный пир. Видимо, откушав, тромбонист Зарецкий тоже уехал с поминок на своем «Рено». Один, без спутников из оркестра.

Катя пыталась вспомнить еще хоть что-то о нем, но в голову лезли отчего-то совсем иные образы. Брат полковника Варданяна, фактический тамада поминок, произносивший погребальный тост в форме проникновенных стихов собственного сочинения. И сестра полковника — приземистая сорокалетняя широкобедрая женщина с зелеными глазами навывкате и крючковатым носом. Она была вся в черном и увешана золотыми украшениями, словно

идол. Ее толстые ноги распирали узкие замшевые лодочки от «Прада».

Катя посетовала на себя — сестру несчастного погибшего в ДТП начальника полиции рассмотрела и по косточкам разобрала. А тромбониста... Ладно, хорошо, что вообще узнала его на дороге. Что еще он делал в шатре, кроме игры на своих тромбонах? С кем общался на поминках, помимо руководителя джаза? С кем разговаривал?

— Я не видела, как приехавшие на поминки шли к машинам, как уезжали, — закончила она свой простенький рассказ. — Я сама стремглав под ливнем помчалась...

— Ко мне. — Гектор улыбался ей.

Он тогда подогнал «Гелендваген» к самым воротам загородного комплекса и ждал Катю на улице, облачившись в дождевик, держа наготове другой точно такой же. Он набросил дождевик на ее плечи, обнял и буквально умыкнул сразу в машину.

— Я и сам внимания не обращал на уезжавших, половина пьяные в стельку. Осоловелые от еды и возлияний. — Гектор усмехнулся. — Шишки большие. Крутой банкет. Бешеные траты. А покойник-то — всего-навсего какой-то начальник деревенского полицейского управления. Ну, земля ему пухом. Я в покер играл, пока вас, Катя, ждал. Онлайн-покер.

По тому, как он это объявил, Катя поняла: ни в какой покер он не играл. Хотя большой любитель. И никогда не проигрывает, лишь повышая, взвинчивая ставки, идя на риск.

И вновь прежняя тревога — сомнения прошлой ночи вернулись в ее сердце.

Им бы об этом сейчас с Гектором поговорить, однако...

Вот и здание кашинской городской больницы на фоне светлеющего утреннего неба. Они на месте.

Больница располагалась в старом здании, похожем на двухэтажный барак. В приемном покое стены выкрашены

болотной краской. А на стенах допотопные плакаты доисторических времен, наглядная демонстрация, во что превращается печень пьяниц под действием цирроза. Актуальная информация для города Кашина, где с бутылкой всегда дружили и находили в ней утешение и покой в трудные темные времена.

— Я из полиции, сотрудница областного главка, — представилась Катя в приемном покое дежурному врачу-терапевту, женщине лет сорока, полной низкорослой блондинке. — Коллеги здешние доставили к вам ночью пострадавшего от удара молнии. Как он? Как его состояние сейчас?

— Да, его к нам привезли. И потом, позже, документы его. Зарецкий Евгений. Полицейские нам сказали — вроде пострадал от удара молнии. Я никогда с подобным в своей врачебной практике не сталкивалась. Да и признаки у Зарецкого отсутствуют классические. Я ему, конечно, сразу сделала кардиограмму. Она нестабильна, однако ничего серьезного. Но его психическое состояние было столь необычным... Он без умолку твердил о каком-то ужасе. О топоре, которым разрубили кому-то лицо. Отрубили язык. И он говорил о пожаре в доме! Он нас всех здесь просто напугал. Он ни на что не реагировал, как мы ни старались привести его в чувство. Только кричал без умолку... Полицейские сначала вообще заявили: он, скорее всего, наркоман. Сестра взяла у него кровь на анализ. Может, правда какие-то препараты спровоцировали такое его состояние, психотропы? Хотя я ничего не могу утверждать. Надо дождаться результатов анализа.

— А где он сейчас? — спросила Катя.

— Мой сменщик, когда услышал о поражении ударом молнии, настоял, чтобы его поместили пока что в реанимацию. Его личное решение, перестраховался он. Я со всеми этими событиями на вторые дежурные сутки здесь

вынуждена была задержаться, потому что переработала свою смену.

Катя поняла, что в рассветный час доктор уже сдает свое затянувшееся дежурство. И они направились в сторону реанимации.

К ним вышел молодой врач-реаниматолог.

— Не пушу вас, — отрезал он. — Ему сделали два укола, и он заснул. Зарецкий одновременно был и заторможен, и крайне возбужден. А это небывалые, несовместимые вещи. Я никогда с подобным не сталкивался. Он все орал про убийство. Про пожар. У него самого начался сильнейший озноб.

— Его лихорадит? — уточнил Гектор.

— Конечно, он простудился под дождем, — ответил врач.

— Можно посмотреть его вещи?

Они ждали, пока врач их вынесет. Он принес мокрые грязные брюки, рубашку, ботинки в полиэтиленовой сумке и... протез.

— Мы его переодели в больничную робу. Я его сейчас проверил. Он спит, и у него поднимается температура.

Гектор и Катя сами внимательно осмотрели одежду. Никаких следов крови. Копоть, сажа и грязь. Гектор изучил подошвы ботинок.

Врач за ним наблюдал.

— При ударе молнии разряд может выйти через подошву. Я тоже сразу все проверил. Но непосредственно в него молния не попадала. Если бы такое произошло, вряд ли бы он выжил.

— Молния попала в зонт и в машину, рядом с которой он находился. — Гектор осмотрел протез. — Как, на ваш взгляд, он мог передвигаться после контузии?

— Я считаю, что нет.

— Но мы видели, как он шел по дороге.

— Ну, может, и шел — минут пять. Я считаю, что он лежал в беспомощности в какой-то луже в кювете, и довольно долго. Его лихорадка для меня свидетельство, что он жестоко простудился. Как бы до пневмонии дело не дошло.

Врач был чересчур молод и заносчив. Самонадеян. Катя и Гектор выслушали его умозаключения вполуха.

Катя хотела вернуться к дежурному врачу приемного покоя — та принимала больного тромбониста и видела его в первые часы после доставки в больницу. И Катя больше доверяла ее словам и опыту. Однако доктор уже ушла домой.

Окончательно рассвело. Грозовая ночь закончилась. Утро — серенькое, туманное и ненастное — вступало в свои права.

Глава 4 ПЕРСЕЙ

— Гек, а таблетки...

— Принял все вечером, когда вас ждал. Наглотался. — Гектор смотрел на Катю — они сидели в машине. — Катя, а давайте в УВД заедем, я здешнему шерифу флешку отдам с записями с камеры автозаправки. Пусть сам решает, что дальше делать с чокнутым тромбонистом. А вдруг он что-то новое о нем раскопал, а? Расколем его.

Катя понимала: дело не во флешке. Просто Гектор резко меняет тему, не хочет обсуждать сейчас то, что ее так волнует и тревожит с некоторых пор. Кашинские события для него сейчас словно щит. Но вид у него невозмутимый. Вдруг он и правда до крайности сам заинтригован? Или чего-то ждет, не торопится пока покинуть Кашин? Каких-то событий? Фактов? Известий? О чем?

По пути в Кашинское УВД Гектор попросил Катю рассказать ему, что ей известно о нынешнем исполняющем

обязанности начальника полиции Александре Веригине. И Катя поведала ему, что знала.

Веригин начинал в полиции на транспорте столичного региона. А затем перешел в авиаотряд — летал вместе с опергруппой на полицейских вертолетах, когда осуществлялось патрулирование с воздуха массовых мероприятий или выпадали лихие погони за преступниками и угонщиками авто.

Затем Веригин вернулся в транспортное управление, в аэропорт Шереметьево, и именно там он в одиночку выследил маньяка — мафиози Кокосова по кличке Кувалда. Веригин обратил внимание на подозрительную машину и начал ее преследовать скрытно — Кокосов в тот момент вез в багажнике свою содержанку, красавицу-певичку из ночного клуба Асю Вяльцеву. Она бросила Кокосова, улетела с новым любовником на Мальдивы, там с ним поссорилась, а когда в одиночестве вернулась на родину, Кокосов похитил ее на автостоянке аэропорта — оглушил и запихнул в багажник.

Веригин ворвался в гараж в подмосковном Пионерском, где маньяк Кокосов держал прикованными наручниками к столбу всех своих прежних жертв. Он дробил им ноги и разбивал головы кувалдой. Изуродованные трупы находили на свалках и в подмосковных лесах. Удар кувалдой был фирменным почерком Кокосова.

Певичку Асю Вяльцеву, изменившую ему, Кокосов привез в гараж и тоже приковал наручниками к столбу, словно Андромеду к скале. Он собирался записать казнь на камеру мобильного. Ворвавшийся в гараж Веригин (он был один, без опергруппы, но храбр и решителен, как античный Персей) выпустил в Кокосова всю обойму из табельного пистолета в тот самый миг, когда тот уже размахнулся кувалдой, чтобы расплющить голову любовнице.

Уже мертвого Кокосова-Кувалду Веригин без всякой жалости ударил ногой по плешивой башке и плюнул на его труп. А затем перезарядил табельный и лихо отстрелил наручники — у него ведь не имелось ключа от них. Подхватил на руки, словно Персей, прикончивший чудовище, свою Андромеду, потерявшую от страха сознание, и...

Короче — как в сказке. Как в мифе. Персей спас Андромеду. А она в благодарность скоренько выскочила за него замуж.

О такой красавице, как содержанка Ася Вяльцева, чьей любви добивались богатейшие столичные воротилы и мафиози, невзрачный полицейский и мечтать не мог. Но Андромеда выказала ему благодарность. Или сжалилась над ним? Потому что сам-то Персей из полиции втюрился в Андромеду с первого взгляда.

Министерское начальство тоже весьма шустро поощрило полицейского — ему присвоили внеочередное звание подполковника и... послали на повышение в «солнечный» Магадан — замначальника местного УВД. Задумка была такой, что он поработает, покажет себя как дельный грамотный организатор и руководитель, затем вернется с послужным опытом в Москву, в Академию МВД, и перед ним откроются пути на грядущее большое повышение, на генеральскую должность.

Все эти сведения Катя знала от своего шефа — начальника пресс-службы. Тот брал у Веригина интервью после гибели Кокосова и освобождения жертвы, писал о нем очерки для ведомственной газеты и интернет-изданий.

Остальное Катя почерпнула из слухов и сплетен, которых вокруг Веригина вилось немало с момента женитьбы на красавице Асе Вяльцевой.

Магадан привередливой Андромеде, мягко говоря, не понравился. Брак с подполковником полиции Веригиным продлился три года. Веригин обожал жену. Однако он па-

хал сутками и редко бывал дома. Ася начала выступать на магаданской эстраде — она дико скучала по своей прежней светской жизни, по развлечениям. В ночном клубе она познакомилась с «крабовым королем» — бизнесменом, державшим половину рыболовецкого флота Камчатки. Тот бросил к ее ногам крабовые трейлеры и солидные счета в банках Гонконга, куда давно все перевел из-за боязни санкций.

Ася начала требовать у Веригина развод. А затем открыто ушла к «крабовому королю». Накануне их отлета на частном бизнесджете из Магадана во Владивосток, где в порту ждала яхта, чтобы доставить пассажиров на Бали, подполковник Веригин, вооруженный охотничьим ружьем, явился в особняк «крабового короля» — завязалась драка со стрельбой. То ли разборка, то ли дуэль из-за красавицы, неверной жены.

В потасовке Веригина ранили — подоспели охранники «крабового короля» и прострелили ему из охотничьего карабина руку. После больницы Веригина быстро убрали с должности замначальника УВД — у воротилы нашлись связи. А полицейское начальство, памятуя о прежних заслугах горе-ревнивца, замяло дело — ведь он сам пострадал, но он же оказался и зачинщиком, виноватым во всем.

Андромеда развелась с Персеем и вознеслась в райские кущи острова Бали, путешествовала по Юго-Восточной Азии и тратила деньги нового покровителя. О большой карьере Веригина в полиции уже никто не заикался. Из Магадана его перевели в подмосковный городок Кашин, на его малую родину, и назначили на должность заместителя начальника УВД — он руководил даже не уголовным розыском, а курировал кадры и материально-техническое обеспечение.

Однако гибель начальника УВД Варданяна в ДТП неожиданно снова открыла для него вакансию на должность.

Гектор внимательно выслушал рассказ Кати. Она видела — по своему обыкновению, Гек наводит справки. Веригин поддел его историей, связанной со Староказарменском, к которой Гектор относился ревностно. И теперь он хотел тоже набрать про всезнайку максимум информации.

Утро после ночной грозы выдалось прохладным. Резкий контраст с прежней удушающей августовской жарой. Катя в своем черном льняном платье — без рукавов, но с глухим воротом, которое она специально выбрала на траурное мероприятие, продрогла, как только сняла дождевик. Гектор давно его скинул, еще в машине. Он снял свой черный пиджак и укутал Катю в него.

Ворот его белой рубашки был расстегнут, рукава засучены до локтей. И на сгибе локтя Катя, как и прошлой ночью, заметила бинт. Гектор днем, когда она находилась в Кашине, снова сдавал в клинике кровь из вены на анализ.

Рука Кати у плеча тоже была перебинтована — рана от осколка, полученная три недели назад во время их расследования дела Мегалании Коралли и ее воспитанников, заживала медленно¹. Вчера утром Гектор сам забинтовал ей руку.

В Кашинском УВД начался утренний развод патрулей. Катя подумала: Гектор отчего-то уверен, что подполковник Веригин на месте, на работе, а не отправился домой отсыпаться после суматошной грозовой ночи.

Они зашли в управление. Вчера возле дежурной части стоял дорогой гроб полковника Варданяна, окруженный траурными венками, заваленный букетами цветов. Вокруг толпилось много народа. Сейчас все вернулось в привычное русло. Тихий сонный провинциальный отдел полиции в старом здании с решетками на окнах.

¹ Подробно о расследовании дела Мегалании Коралли и ее воспитанников рассказано в романе Т. Степановой «Великая иллюзия».

Катя спросила у дежурного, где Веригин. Тот находился в управлении — расчет Гектора оправдался. Они прошли по коридору и постучали. Катя у двери глянула на табличку — кабинет бывшего начальника УВД Карапета Варданяна. Оказывается, Веригин его уже занял. Ну естественно — его назначили исполняющим обязанности, а с момента гибели в ДТП Варданяна прошло больше десяти дней.

Александр Веригин откликнулся — войдите! Он стоял спиной к двери у окна, наблюдал развод патрульных. Медленно обернулся. Он уже переделся в полицейскую форму.

Гектор смерил его взглядом, вспоминая Катин рассказ — кто бы мог подумать, что невзрачный тридцатидевятилетний подполковник с ранней лысиной на макушке успел совершить в жизни столько всего — убить чудовище Кувалду, плюнуть на его труп, жениться на его любовнице, утратить ее, почти на краю света едва не откинуть коньки, отбивая ее у нового богатого соперника.

— Вспоминаете Магадан, коллега? — громко спросил Гектор. — Который там сейчас час, интересно? «В Петропавловске-Камчатском полночь», — передразнил он, лицедей, своим изменчивым голосом дикторшу радио новостей.

По растерянности, промелькнувшей на лице Веригина, Катя поняла: Гектор попал в самую точку.

Как ему так удается подцеплять людей на только что обретенный крючок?

Веригин действительно в тот момент вспоминал Магадан и свою бывшую жену, которую (после магаданской эпопеи и развода минуло два года) не переставал желать и ревновать.

Горы мусора на полу — битый кирпич, уголь, железный лом. В воздухе — взвесь угольной пыли и дождевой мороси. Они с женой Асей в Кадыкчане. В поселке-призраке,

находящемся почти в шестистах километрах от Магадана. Полиция в летнее время устраивала рейды, чтобы проверить, есть ли еще жители в поселке-призраке. Прилетали на вертолете. В очередной рейд Веригин взял с собой жену — хоть какое-то развлечение для нее, чтобы не скучала. Путешествие с ним на вертолете.

Они с Асей зашли в здание администрации шахты — разрушенный двухэтажный барак из белых блоков. Северный день заглядывал в окна. У стены — каменный бюст. Ильич с мертвыми глазами, вытесанный из гранита.

Ася, одетая в шерстяной свитер и штормовку, разглядывала каменного идола. В Кадыкчане в оные времена располагался трудовой лагерь — Трудлаг, кости эзков находили в округе охотники-эвены.

Именно тогда, в заброшенном здании поселка-призрака под мертвым взглядом каменного Ильича, она объявила, что бросает его.

— Саша, нам надо развестись. Только не истери, прими спокойно, с холодной головой, как мужик, — заявила она безжалостно.

Веригин, потерявший дар речи, смотрел на нее — на ее темные блестящие волосы, рассыпавшиеся по плечам. Даже в штормовке она выглядела ослепительно — так ему казалось.

— Ты славный человек, и ты меня спас. Кокосов был животное. Тебе я обязана жизнью, и у нас мелькали счастливые моменты. Но все кончено. — Ася носком резинового сапожка ковыряла битый кирпич. — Я не могу здесь больше оставаться. Я подыхаю. Твоя служба в полиции... Какой в ней смысл, скажи мне? Твой карьерный рост займет годы, и ты будешь существовать, словно в ссылке, здесь или в другой дыре. Когда ты вернешься в Москву, получишь наконец должность, я превращусь в старуху. И что впереди? Твоя генеральская пенсия? А мне ее на

филлеры и пластику не хватит, Саша. Я хочу жить сегодняшним днем. Так что отпусти меня с миром. Я нашла человека, подходящего мне больше, чем ты. Может, он не такой храбрый, как ты, не такой упертый, не повернутый на принципах, но... С тобой я жить больше не в силах. Дай мне развод.

— Нет, никогда, — ответил Александр Веригин.

Ася лишь криво усмехнулась.

— Я так и знала — у нас с тобой будут проблемы. Ты дурак.

— Ася, не уходи, не бросай меня. Не отправляй меня в ад! — почти взмолился он.

— Да еще месяц такой жизни — и я повешусь в здешней дыре! — истерически закричала она. — Ты гибели моей хочешь?!

Он подошел к ней и бухнулся на колени.

Она стояла выпрямившись. Она не любила его. Она его уже почти ненавидела как помеху.

На призрачной улице Кадыкчана слышались голоса полицейских. Пора было улетать — северный день короток, а обратный путь в Магадан неблизок.

Александр Веригин поднялся, отряхнул угольную пыль с колен. Там, в Кадыкчане, он понял, что унижаться и просить бесполезно. А великие и добрые дела, и даже геройские поступки, порой имеют и обратную сторону.

Несчастливую.

Неблагодарную.

Злую.

Гектор наклонился к Кате и достал из кармана своего пиджака, что был на ней, флешку. Протянул подполковнику Веригину. Катя видела — Веригин мыслями сейчас далеко от Кашина и ночного происшествия с молнией. Он скользнул взглядом по Кате, утонувшей в пиджаке Гектора, и забрал флешку.

— Что на ней? — спросил он.

— Запись с камеры автозаправки, — ответил Гектор. — «Рено»-инвалидка тромбониста и он сам. Правда, что с ним стало после удара молнии в его зонт, на записи не видно. А вы инвалидку проббили по банку?

— «Рено» с ручным управлением зарегистрирован на него — Зарецкого Евгения. Мои сотрудники проверили. Он проживает в Люберцах. Кстати, в Кашине он прежде никогда не бывал.

— Откуда сведения? — Гектор выказывал живейший интерес к разговору, в отличие от подполковника Веригина, который явно хотел побыстрее отделаться от полковника Гектора Борщова, столь известного в их общих ведомственных кругах.

— Я позвонил ночью старшему брату Варданяна. Он мне сообщил, что джаз на поминки пригласила его сестра. Дал мобильный их руководителя, земляка. Некто Арутюнянц. Я его застал на обратном пути в Москву. Пьяненький джазмен еле языком возил, но рассказал мне: в Кашине они с джазом прежде никогда не выступали. А моего покойного шефа Варданяна он знал шапочно, тот никакой не любитель джаза. — Веригин потер ладонью лицо. — Карапету больше нравились армянские народные песни. Евгений Зарецкий его оркестрант, ему двадцать восемь лет. Он играет в джазе четыре года. Арутюнянц мне сказал, тромбонисты соло в отдельности от джаза никогда не выступают. Саксофонисты, трубачи — да, но не эти. Так что в Кашине ночной чудик как джазмен не был.

— Ну, это еще не факт, он мог по своим делам здесь бывать, — возразил Гектор. — Маэстро не в курсе, как парень лишился ноги?

— Я спросил. Он не знает. К нему в джаз Зарецкий пришел уже с протезом. Играть ему это не мешает. Джаз

у них частный. Сейчас с вечеринками и корпоративами полный провал, так они и на похоронах играть соглашаются.

Катя помалкивала и слушала.

— Собственно, Гектор Игоревич, какое ваше дело — наши кашинские происшествия? — спросил уже совсем иным тоном Веригин. — Я-то в горячке на темной дороге решил, что вас ветром из Москвы принесло из-за старухи Кривошеевой. И ее сынка-журналиги... Но старуха и ее сиделка живы. А вы... ведь в Кашине в частном порядке? — и наблюдательный Веригин глазами указал на пиджак Гектора, в котором утонула Катя.

— Ну и что с того? Пусть я здесь оказался в частном порядке. — Гектор пожал широкими плечами. — Ночное происшествие меня зацепило.

— Неужели? Чем же?

— Некий непонятный пока еще мне феномен. Я имею в виду не удар молнии в машину и в зонт. А странную реакцию тромбониста.

— Вы верите в то, что он действительно видел, как кому-то врезали по башке топором?

— Удар нанесли в лицо, и жертва — женщина — оказалась связанной. Беспомощной.

— Посмотрим, что даст анализ крови Зарецкого, — ответил Веригин. — Может, кокса немерено.

Топот по коридору.

Дверь распахнулась — на пороге стоял дежурный.

— Александр Павлович, я звоню — вы не отвечаете.

Веригин достал мобильный.

— Черт, разрядился, я и не заметил. Что еще?

— ЧП! У нас в Кашине убийство!

— Где? — громко властно спросил Гектор Борщов.

— В Умново! У Мосиных! — Дежурный всплеснул руками: — Маргоша наша...

Веригин схватил с подоконника полицейскую фуражку и выскочил из кабинета.

Гектор и Катя за ним.

Возле УВД мигали синими сполохами две патрульные машины и «ГАЗ» дежурной части. Веригин сел в него.

Гектор и Катя добежали до внедорожника. Помчались следом за полицией.

По главной улице Кашина, мимо, мимо...

Свернули на проселок — впереди выли полицейские сирены и...

— Катя, смотрите, где мы, — произнес Гектор.

Они снова достигли того самого перекрестка, где ночью молния поразила машину Зарецкого. Катя сразу узнала место — пусть ночью было темно, но она вспомнила окрестности. Бетонку к дому гарпий, съезд к автозаправке и...

Полицейские машины свернули налево — в сторону дороги, уводившей в поля, где Катя ночью заметила огни сквозь деревья.

Картофельное поле.

Бурты, закрытые соломой.

Два пустых участка у самой дороги, огороженные сеткой-рабицей. Огороды-участки. Закрытый придорожный магазин «Продукты» с опущенными рольставнями.

Напротив — два добротных дома за высокими сплошными заборами.

И еще строения.

Катя замерла. Их было два на одном участке — старый почерневший от дождей одноэтажный деревенский дом в три окна с чердаком, которых полно в Подмосковье. И рядом с ним новый двухэтажный коттедж из силикатного кирпича. Возле него были вкопаны бетонные столбы, валялся на траве штабелем деревянный забор — новый, его лишь начали устанавливать, но бросили, так что часть участка осталась неогороженной и отлично просматрива-

лась. Далее по периметру шли остатки невысокого сгнившего штакетника, выкрашенного синей краской.

— Терраса, Гек! — воскликнула Катя, указывая на маленькую застекленную террасу деревенского дома.

Она привязана к пластиковому стулу веревкой!!! Она на террасе дома. Не того, что строится. А старого деревянного.

Катя словно слышала, как тромбонист своим невообразимым тонким сорванным голосом кричит им об этом сквозь ночь и дождь.

Кроме двух домов — старого с террасой и нового, что явно был еще в процессе стройки и отделки, — имелось и третье здание.

Смежный с кирпичным особняком небольшой павильон, крытый красной металлочерепицей. В подобных павильонах в провинции располагаются сельские магазины.

Павильон имел одно окно, забранное решеткой изнутри, и железную дверь. Он выходил прямо на проселок, чтобы проезжавшие мимо могли остановиться, зайти и купить необходимое.

На вывеске павильона значилось: «Свежее мясо. Сало. Шпик».

— С перекрестка сюда гораздо дальше, чем до дома гарпий, — заявил Гектор, резко тормозя возле павильона, — именно там остановились обогнавшие их полицейские машины. — Но у тромбониста, судя по записи, до встречи с нами было почти полтора часа.

Катя вышла из внедорожника. Кроме машин полиции, на дороге стояли две фуры. Их водителей окружили полицейские, и они что-то громко рассказывали, жестикулировали, указывая в сторону дома.

Катю посетило предчувствие, что она сейчас увидит нечто страшное.

— Веригин и его команда отлично знают, кто здесь живет. Некая Марго. — Гектор взял оробевшую Катю за руку — он же здесь в частном порядке, так чего таиться.

Катя боялась, что их остановят и развернут. Но местные по-прежнему пока еще воспринимали ее как человека из главка, из пресс-службы.

Их пропустили.

И она впервые увидела, как на месте происшествия, где все должны быть предельно собранны и профессиональны, в мгновение ока воцаряется то, что так трудно описать обычными словами.

Полный хаос.

Глава 5

ФИЛЕМОН И БАВКИДА

— К террасе свободный проход, нового забора нет, а штaketник, что остался, преодолеть легко даже с протезом. — Катя говорила впопыхах, они быстро шли вместе с Гектором к старому деревенскому дому. — Тромбонист мог все видеть с улицы ночью!

— И фундамент у дома низкий, — согласился Гектор. — Заглянуть в окно террасы с участка проще простого. А что здесь у нас? Надо же — дуб и липа.

Он указал на два старых дерева на углу деревенского дома. Они росли вплотную друг к другу, их стволы едва не переплетались. Кроны осеняли крышу дома из замшелого шифера.

— Из одного корня¹, — констатировал Гектор.

Катя ринулась к окну террасы, заглянула сквозь стекло, готовясь увидеть то, о чем кричал ночью тромбонист, и...

¹ В античном мифе растущие из одного корня липа и дуб — символ супругов Филемона и Бавкиды.

Ничего.

На обветшалой террасе не было никакого пластикового кресла и привязанного к нему трупа с топором в черепе.

Высокий Гектор заглянул в окно террасы.

— В избушке последнее время не жили, — объявил он.

На террасе царили сумерки и всю ее загромождали старые вещи: на столе сгрудились цветочные горшки, коробки, ящики, трехлитровые пустые банки. Венские стулья свалены у стены, узлы на полу. И никаких *старых ходиков с кукушкой, никаких желтых обоев в цветочек, никаких пятен крови на деревянных стенах, никаких кровавых луж.*

Более того, входная дверь дома, за которой располагалась терраса, оказалась запертой снаружи на допотопный висячий замок. На крыльце двое полицейских уже пытались его распилить специальными инструментами для вскрытия помещений.

— На террасе чисто, Катя. — Гектор устремился в сторону двух других строений. — Не здесь все случилось.

— Мы привезли мясо из Тулы, мы с ним работаем давно, мясные поставки у нас — свинина, птица, в основном утки и гуси. Он у нас гусей покупал оптом и перепродавал потом.

Катя услышала громкие голоса — у павильона с надписью «Мясо. Сало. Шпик» двое дальнобойщиков — водитель и напарник — разговаривали с подполковником Веригиным.

Гектор указал Кате на дверь павильона — ее дергали сотрудники полиции, но она была заперта изнутри. Криминалисты и местный судмедэксперт вместе с оперативниками очень осторожно заходили в новый дом из силикатного кирпича. Именно его входная дверь — тоже крепкая и железная — была открыта.

— Мы к магазину его подъехали, и я его сразу набрал с мобильного, рано ведь еще, — продолжал один из

дальнобойщиков. — Он на звонок мне не ответил. А что делать — мы же товар привезли, туши свиные. Надо сгружать. Я решил, они с женой спят — вряд ли уехали в такую рань. У нас же уговор, что мы товар привезем утром.

— И у нас был уговор, поставка! — подал голос водитель второй фуры, стоявшей возле павильона. — Мы остановились, гляжу, у магазина — грузовик мясной, мужики в дверь стучат, никто не открывает.

— А вы что им привезли? — спросил подполковник Веригин.

— Мебель мягкую с фабрики в Ступино. Два дивана на этот адрес в Кашин. — Водитель выглядел испуганным. — По заказу, по накладной. А рано приехали, потому что у нас еще две поездки — в Щербинку и Братеево в Москву, тоже мебель. — Он указал на свою длинную фуру. — По пробкам-то пока доберешься. Поэтому в Кашин чуть ли не в пять утра я выехал.

— Вы с заказчиком мебели накануне связывались? — уточнил Веригин.

— С женщиной... она на звонок по номеру клиента мне утром не ответила, когда я уже к Кашину подъезжал и хотел заказчицу предупредить. А связывался с ней менеджер наш, логист, вчера утром, когда я документы на поездку на фирме оформлял в Ступино. Но больше я ничего не знаю. Вы меня в этот кошмар не впутывайте! Мы вот с мужиками на крыльцо дома зашли, они в дверь стали стучать, а она бац! — открылась, медленно так, со скрипом... Незапертой дверь коттеджа была! А на полу кровящи... И химией так воняло... У нас всех шок. Лужа крови. Мы сразу в полицию позвонили. Я не знаю, что в доме-то...

Гектор и Катя поднялись на крыльцо коттеджа после того, как туда зашли члены опергруппы. Подполковник Веригин все еще лично допрашивал дальнобойщиков. Он

давал своим сотрудникам время, чтобы осмотреться, определиться.

Но опергруппа Кашинского УВД выглядела растерянно — все нерешительно сгрудились в прихожей — холле, пустом, лишенном мебели, и не двигались вперед.

Очень сильно и резко пахло чем-то. До такой степени, что начали слезиться глаза.

На полу — огромные лужи крови. Так сначала показалось Кате. Но на плитках пола была не только кровь — еще какая-то жидкость, обильно вылитая из валявшихся у стены двух больших пластиковых канистр. Потёки ее виднелись и на стенах, куда попали брызги крови.

— Бензин. Дом хотели поджечь, — шепнула Катя Гектору.

— Нет, не бензин. — Он наклонился и дотронулся до жидкости на полу. — Кровь пополам с каким-то растворителем.

— На канистрах нет этикетки, — объявил ему криминалист-эксперт. Молодой еще парень сквозь очки потрясенно оглядывал холл-прихожую, словно боялся наступить в кровавую лужу, обильно растекшуюся по полу.

— Не бензин, а санитайзер, — ответил Гектор. — Коллеги, у вас есть бахилы?

— Нет, — криминалист и судмедэксперт покачали головой. Судмедэксперт был даже без профессионального защитного костюма. В бедном Кашине таких вещей у экспертов не водилось.

— Тогда испортим обувь. — И Гектор первый шагнул в кровавую лужу.

Катя за ним. Она содрогнулась, когда ощутила, как багровая субстанция замочила ее ступни в открытых босножках.

— Вы все знаете, кто здесь живет. — Гектор обернулся. — Кто?

— Мосины, — ему ответил подполковник Веригин. Он появился на пороге коттеджа, секунду медлил, а затем тоже шагнул в кровавую лужу. — Она наша сотрудница. В штате УВД.

— Полицейский? — Гектор двинулся направо в сторону открытой — еще одной железной — двери. Туда же пошли и члены опергруппы.

— Вольнонаемная. Работала много лет в управлении в отделе статистики-учета и регистрации преступлений, последние годы она его возглавляла.

— Маргарита Симеоновна наша, — откликнулся эксперт-криминалист. — И муж ее Иван Андреевич.

— Тоже ваш коллега?

— Он из МЧС. — Веригин опередил Гектора, обошел его и сам первый перешагнул порог смежного с холлом-прихожей помещения. — Служил в городской пожарной части, но сейчас он на пенсии. Занялся торговлей мясом.

— Мясник здешний и его жена — учетчица в УВД? — уточнил Гектор.

— Маргарита Симеоновна и Иван Андреевич. Вот черт! — Веригин, отвечавший Гектору, едва не упал — не поскользнулся в кровавой луже, а споткнулся обо что-то.

Катя, еще не разглядев толком, решила — о бездыханное тело.

Но это была бензопила. Она валялась на полу смежной комнаты, которая оказалась маленьким торговым залом магазина-павильона. Здесь, как и в холле, стоял удушливый химический запах. Пол тоже сплошь залит, потеки санитайзера имелись и на небольшой витрине-холодильнике, где лежали на эмалированных поддонах шпик и разные субпродукты — печень, почки. Колода для рубки мяса — ее опрокинули у стола с электронными весами.

Кроме санитайзера на плитках пола — длинные широкие кровавые полосы. Катя такие уже видела на других

местах убийств — их ни с чем не спутаешь. Следы волочения. Они вели еще к одной железной двери, располагавшейся за разделочным столом. И дверь была закрыта. В стене рядом находился пластиковый щиток, какие устанавливают в домах с климат-контролем. Но Катя поняла: в сельском мясном магазине соорудили нечто другое, более полезное для торговли. На панели мигал красный огонек.

— Что за дверью? — громко спросил Гектор в гробовой тишине, воцарившейся на месте происшествия.

Катя была поражена до глубины души — кашинские полицейские выглядели напуганными, как и дальнобойщики. Никто не рвался вперед, кроме подполковника Александра Веригина.

— Вы здесь сами часто покупали мясо, — заявил Гектор. — Так ведь? Вы бывали здесь раньше. Что за дверью?

— Холодильная камера, — ответил судмедэксперт. — Я к Мосиным, к Марго заезжал всегда перед праздниками, брал у них вырезку и на холодец ноги свиные. У них там холодильник для мяса.

К двери за Веригиным подошел и эксперт-криминалист. Он надел резиновые перчатки.

— Агрегат установлен на быструю заморозку. — Гектор указал ему на панель, на значки рядом с красным сигналом.

У Кати от запаха химиката начала кружиться голова. Оперативники осматривали бензопилу на полу.

— находка у нас! — крикнул один из полицейских из холла. И возник на пороге магазина с каким-то металлическим предметом.

Вид его при этом был устрашающим — кисти рук в перчатках окровавлены, на форме — брызги крови.

— Монтировка, — объявил он. — Валялась в трех метрах от входной двери. Я ее из кровавой лужи достал.

Да, это была монтировка. И с нее капали на пол капли — кровь, растворенная в санитайзере.

Эксперт-криминалист обработал панель холодильной камеры порошком, попытался снять отпечатки.

— Есть что-то? — спросил Веригин.

— Пока не могу ничего сказать, смазано все, — криминалист сделал снимки. — Можно открывать холодильник.

Веригин отключил заморозку, потянул ручку железной двери на себя и...

На них дохнуло лютым холодом, как из Арктики.

То, что они увидели, Катя долго потом не могла забыть.

Холодильная камера мясного магазина представляла собой узкое помещение без окон. Под потолком шла металлическая балка с крюками. На ней висели три замороженные свиные туши и несколько гусей. Крюки вонзили в их длинные шеи.

Это первое, что бросилось Кате в глаза.

Затем она увидела топор.

Он лежал на первой, самой верхней ступеньке лестницы.

Лестница насчитывала всего три широких ступени.

На верхней у двери — топор.

На нижней у пола — отрубленная человеческая рука.

Мужская кисть.

Внизу на полу — два окровавленных трупа, застывшие в странных нелепых позах.

Полная женщина лет за пятьдесят в цветастом халате, пропитанном кровью. Лицо ее было разбито, расплющено — сломанный нос, глубокая вдавленная рана на лбу с проломленной костью, распяленный в крике рот с выбитыми зубами. Ее крашенные черные как смоль волосы напоминали паклю. Ноги в домашних тапочках.

Она лежала на спине, халат ее задрался до середины бедер.

Рядом с ней на полу холодильной камеры на боку лежал мужчина, бритый наголо, невысокий, худощавый, тоже лет за пятьдесят. Вся его одежда — футболка и спортивные штаны — потеряла прежний цвет от крови.

Его правая кисть была отрублена.

А на животе зияла ужасная рана — виднелись кости ребер и часть внутренностей.

Глаза мужчины оставались широко открытыми. Остеклевший взгляд. Снежная изморозь на лице, на бритом черепе, на обрубке руки.

Снежная изморозь на халате женщины. Иней на ее черных как смоль волосах.

Подполковник Веригин, стараясь не наступить на топор и отрубленную конечность, первый спустился в холодильник. Гектор просто прыгнул с верхней ступеньки.

— Что вы стоите? За работу! — хрипло приказал Веригин своим подчиненным.

Катя осталась на пороге камеры. Температура в отключенном холодильнике медленно росла. Однако до разморозки могли пройти часы.

Гектор наклонился над женщиной.

— Она примерзла к полу. И ее муж, — заметил он. — Их тела заморозили здесь после убийства. Но убили их не в холодильнике.

— А где? — спросил Веригин.

— В холле у двери, где лужи крови, и в самом магазине. Только пока неизвестно, кого из них где точно.

— Вы с первого взгляда все определяете, да? — спросил подполковник Веригин.

— Мы здесь уже достаточно времени, чтобы разобраться.

— Пока трупы хоть немного не оттают, с ними невозможно работать, — сообщил судмедэксперт.

— Осматривайте пока как есть, — распорядился подполковник Веригин. По его виду Катя поняла: он потрясен зрелищем.

— Жертвы — местные жители, ваши земляки. Она ваша коллега из полиции. Их обоих так жестоко убили. — Гектор обвел кашинских сотрудников взглядом. — Надо по максимуму все сделать на месте убийства. Не время для растерянности.

Подполковник Веригин кивнул.

Опергруппа словно от морока очнулась, зашевелилась.

— Прямо пуховики надо привезти, чтобы в холодильнике работать, — слышались голоса.

— Необходимо связаться с их близкими, — сказала Катя. — Сообщить детям или родственникам.

— Они жили вдвоем, детей не имели. — Веригин снизу из холодильника глянул на нее, стоящую на пороге камеры в пиджаке Гектора, замерзшую, как сосулька, с запачканными кровью жертв, растворенной санитайзером, ногами в открытых босоножках.

— В июле они отмечали серебряную свадьбу, четверть века вместе, — подал голос эксперт-криминалист, занявшийся осмотром топора. — Мы всем управлением на подарок им скинулись для нового дома. На телевизор. Маргарита Симеоновна нас благодарила. Сказала, с мужем живут счастливо, еще пошутила, что желала бы ни на минуту не пережить его. Так он ей дорог. Вот они и умерли вместе в один день.

— Как Филемон и Бавкида, — заметил Гектор. — Надо же — липа и дуб из одного корня.

На его античный посыл никто не отреагировал. Сотрудники Кашинского УВД были далеки от высоколобых античных метафор столичных «крутых» профи с широкими, однако пока еще неясными полномочиями и столь же широкой эрудицией.

Глава 6
КОЛЕСНИЦА

Накануне ночью

После событий в подмосковных Жаворонках, когда Гектор во время взрыва в доме убийцы спас Катю, заслонив ее собой, и получил осколочное ранение, а она закрыла его голову руками и тоже поранилась, минуло три недели. Кисти Катиных рук, распухшие, иссеченные ссадинами, зажили. Глубокая рана ниже плеча рубцевалась. Гектор на свою осколочную рану уже практически не обращал внимания, однако продолжал принимать таблетки и туго бинтовать бедра после своей главной многочасовой операции.

Во время Катиного больничного и недельного отпуска, взятого ею, они виделись каждый день. Утром Гектор заезжал за ней на Фрунзенскую набережную и забирал ее к себе в Серебряный Бор. Они гуляли по парку, коротали время на веранде местного ресторана у Москвы-реки, Гектор все порывался арендовать катер в серебряноборском яхт-клубе, но Катя ему не позволяла — после операции и нового ранения прошло еще слишком мало времени, чтобы управлять катером или моторкой. Зато они вместе «творили» — Катя из-за распухших пальцев все еще не могла печатать на ноутбуке, и Гектор рьяно брался ей помогать — вы диктуете, Катенька, я записываю. И мы с вами как братья Гримм — сестры Бронте!

На заросшей травой лужайке перед домом Гектора в Серебряном Бору в тени старых лип они устраивались на садовой скамейке за дачным столом, и Катя диктовала текст статейки для интернет-канала. Пальцы Гектора так и летали над клавиатурой. Через каждые два Катиных предложения он восклицал: «Гениально! Эпохально!»

И возвещал голосом булгаковского Фагота: «Я восхищен!» И так умильно-преданно глазел на Катю, что она не выдерживала — спихивала его со скамейки и сама садилась за ноутбук — кое-как исправляла собственные надиктованные стилистические ошибки.

Гектор валился в траву с воплем: «Лишают соавторства! Затыкают рот!» Делал на руках стойку, затем мощное сальто и уже снова, стоя на ногах, склонился к Кате, шепча на уху уже совсем иным тоном: «Я восхищен!»

Они обедали все вместе на большой домашней кухне-столовой с открытыми окнами. Старуха-сиделка привозила в инвалидном кресле генерал-полковника Борщова, отца Гектора — парализованного и безумного, старуха-горничная торжественно водружала на обеденный стол супницу с ухой и блюдо с рыбным пирогом. А на десерт яблочную шарлотку. Гектор сам жарил на мангале мясо и поливал его белым вином.

Все эти августовские жаркие дни они были абсолютно счастливы. Вечерами им все труднее было расставаться. Но Катя сама держала ситуацию на контроле — они разлучались, чтобы утром встретиться вновь и провести вместе день. Гектор вечером отвозил Катю домой, он вел себя по-рыцарски безупречно. А она не торопила события. Прежде всего он должен был восстановиться после тяжелой операции и нового ранения, случившегося так некстати. Она хотела, чтобы он выздоровел.

Их чувства крепили. Они созревали под августовским солнцем, словно летний драгоценный плод. Их духовная связь стала уже нерасторжимой. Катя сама себя не узнавала. Столько в ней появилось нового, неизведанного. Столько нежности к нему...

Однако августовская идиллия была слишком уж хороша, чересчур идеальна, чтобы длиться вечно.

Вроде бы сушище пустяки вплелись в идиллию, и она закончилась. Катя вышла с больничного на работу, в пресс-службе областного главка накопилось столько дел, что в первый день она трудилась до семи вечера. Гектор написал ей: «Я за вами сейчас заеду?» Но Катя ответила: «Я вечером иду в салон красоты в Романовом переулке». Ей не терпелось привести в порядок ногти на заживших руках, тонировать свои отросшие волосы, сделать процедуры для лица — августовский зной иссушал кожу. Она жаждала наконец-то почистить перышки — благо было перед кем показать себя с самой лучшей стороны. Чисто женские дела. Она ответила, что у нее запись в салон и зависнет она там допоздна.

Гектор ответил: «Ясно. А завтра какие планы?» Катя снова честно написала: «Завтра вообще ничего не получится, Гек. Завтра в главке выездное совещание в Наро-Фоминске, и мы туда отправляемся всей пресс-службой, я буду занята до вечера, а затем коллеги довезут меня домой».

Гектор написал: «А послезавтра?» И Катя снова поведала ему чистую правду: «Послезавтра в далеком Кашине похороны и поминки начальника УВД, погибшего в ДТП, и весь пресс-центр в полном составе отправится туда в служебном фургоне вместе с главковской телегруппой — за мной коллеги заедут утром прямо домой. И все тоже, очевидно, затянется очень надолго».

Гектор лаконично подытожил: «Понял».

И их переписка умолкла на сутки.

Из Наро-Фоминска Катя вернулась в десятом часу вечера. Во время нескончаемого совещания она отключила мобильный, как того требовала ведомственная инструкция. Но, включив телефон, не обнаружила сообщения от Гектора. Дома она приняла душ, поужинала холодным рисом с овощами и курицей и начала искать в шкафу

черное льняное платье без рукавов с глухим воротом. Его она сочла уместным для похорон кашинского начальника полиции. Платье следовало отпарить. Катя возилась с отпаривателем. Время близилось к полуночи. И тут пришло сообщение от Гектора.

И продевши ремни, к колеснице его привязал, а главу волочить оставил...

*Тело, влачимое в прахе: безжалостно бурые кони полем его волокли...*¹ Катя прочла послание и...

В тот самый миг ее посетила мысль: что-то случилось. Ему плохо.

Потому что он прислал ей строки из самой страшной для нее песни «Илиады» — их тайной общей книги судьбы. Строки сцены гибели.

Колесница, к которой Гектора привязали под стенами Трои.

Колесница, которую Катя еще в детстве хотела сжечь, разрушить. Жаждала переписать всю главу, чтобы Гектор, самый любимый ее герой «Илиады», остался жив в последнем бою.

Она набрала: «Гек, что с вами?»

Он прислал ей новое сообщение:

Долгая ночь... И заходят Плеяды. Я у порога брожу, вымокши весь под дождем.

*Раненный жгучею страстью...*²

За окном — никакого дождя (гроза разразилась лишь на следующий вечер). Душная августовская ночь, нагретый асфальт и пышущие жаром крыши домов. Автора строк Катя не знала — какой-то древний грек, поэт...

И тут раздался длинный настойчивый звонок в дверь ее квартиры.

¹ Гомер. «Илиада». Пер. Н. Гнедича.

² Древнегреческий поэт Асклепиад Самосский. Пер. Л. Булуменад.

Катя открыла и увидела Гектора. Он был совершенно пьян.

Правда, на ногах он держался крепко. Однако вид имел тот еще. Белая рубашка распахнута на груди. Скомканный галстук торчит из кармана брюк. Пиджак под мышкой. Рукава рубашки он засучил. И Катя увидела на сгибе его локтя бинт — у него брали кровь из вены.

— Гек! — Катя шагнула назад, впуская его. Он надвинулся, захлопнул дверь ногой, и прислонился к ней спиной. В серых глазах — отчаянное болезненное выражение. Почти что тьма.

— Гек, что случилось?

— Надрался я. — Он выпрямился, словно гордясь собой. — Водки выпил.

— Вижу. Но что произошло?

— Сорок восемь часов не виделись. И получаю ответ — и еще двадцать четыре подождешь, — он помотал головой. — У ней и бровь не шевельнулась, не сжала даже губ она... А я... хоть сдохни... Ну и надрался вдрабадан.

— И такой за рулем. — Катя смотрела на него. Она чувствовала, дело не только в их короткой разлуке. Не ребенок же он капризный. Дело в чем-то ином, более серьезном.

— Какой? Гадкий я, да? Наглый эгоист. Катеньш, да я когда врадабан... я аккура-а-атно тачку вожу, ювели-и-ирно! — Гектор церемонно поклонился ей, и его сразу резко повело в сторону. Но он устоял. — Дистанцию соблюдаем, да, Катеньш? Отстраняемся, чтоб сильнее помучился, чтоб извелся весь. Места чтобы себе не находил, дурак.

— Гек, какую дистанцию? Я же объяснила, работы много навалилось и завтра похороны коллеги в Кашине.

— Да понял я все. Вот пришел — увидел. Теперь гоните в шею поганой метлой. Надоел, да? Достал?

— Идите в комнату. Вам надо протрезветь. Я вам чаю крепкого сейчас заварю.

— Не пойду, — он снова упрямо мотнул головой. Его сильное тренированное тело расслабилось, и он, словно медуза, сполз спиной по двери, оказался на полу — сел, согнув колени. Глядел снизу вверх на Катю.

— Здесь, у порога, как пес... стану сон и покой охранять. Здесь мое место.

— Гек!

— Что? Ну что Гек? Сорок восемь часов и еще двадцать четыре. Пауза несколько затянулась. Не выдержал я. Сам явился незваный. А вы идите. Спите, отдохайте. Я здесь — вы там. И ни о чем не тревожьтесь. Я ж не как другие. Я Гектор Троянский. Завоеватель... блин... Я ж безобидный.

Тьма, тьма в его серых глазах... Отчаяние.

Ну что, спорить было с ним таким — «вдрабадан» в его мятежном, горьком настроении? Или силой с пола поднимать? Здорового, накачанного бугая?

Катя забрала у него пиджак, испачканный пылью. Повернулась спиной к Гектору Троянскому. На кухне счистила пыль с пиджака и обнаружила в правом кармане бутылку — неужели водку с собой притащил? Но то оказалась бутылочка мятного сиропа. А в другом кармане — крафтовый пакет: плюшки с корицей. Шлемоблещущий Гектор не только сам заявился среди ночи, но и гостинцы принес.

В спальне Катя разделась и села на кровать. Она не находила себе места. Что-то с ним дурное случилось — подсказало ей сердце. Но с пьяным невозможно серьезные вещи обсуждать. Пусть протрезвеет. Она легла, чутко прислушивалась — в прихожей горел свет, но оттуда не доносилось ни звука. И усталая встревоженная Катя не заметила, как уснула.

Пробудилась она от зуммера будильника в мобильном. Половина девятого. Через час за ней заедет шеф пресс-центра вместе с коллегами и они отправятся в чертов Кашин. В спальню сквозь бамбуковые жалюзи заглядывало солнце. В кухне гудела кофемашина, там воцарился Гектор. И Катя туда сразу не пошла — накинула льняное кимоно и проскользнула в ванную. Ее банное полотенце было влажным, Гектор им воспользовался, и ее травяным гелем для душа. Катя вымылась, привела себя в порядок — дальняя дорога, жаркий день, поэтому минимум косметики. Никаких духов, лишь легкий мист — дымка для волос и тела. Причесала волосы и высоко заколола их японской шпилькой. Вернулась в спальню и облачилась в черное платье. И только после этого прошла в кухню.

Босой Гектор — у стойки с кофемашиной. Рубашка расстегнута и не заправлена в брюки. Торс голый. Волосы мокрые. Узрев Катю, он сразу протянул ей чашку, сняв с поддона кофемашины.

— Мятный капучино. По нашей традиции... Привет.

Катя опять увидела на сгибе его локтя все ту же повязку — влажную и замурзанную. Молча приняла чашку капучино. Отпила кофе. Мятный сироп пригодился. Она наклонилась и достала из аптечки в нижнем ящике кухонной стойки чистый бинт, взяла маникюрные ножницы и шагнула к Гектору. Как только она к нему прикоснулась, намереваясь разрезать повязку, он мгновенно замер, затих.

Вдыхал аромат ее волос, пока она возилась с повязкой.

Катя выскользнула из его рук, хотела выкинуть в мусорное ведро повязку. В ведре — грязные бинты, Гектор снял их в ванной. Там же лежал хирургический пластырь, которым он все еще пользовался после операции по пластике своих увечий. На пластыре желтели следы гноя.

Сердце Кати сжалось. Но она и вида не подала.

Гектор забрал у нее бинт.

— Я обойдусь. А вам сейчас руку забинтую — на целый день далеко едете, не стоит оставлять заживающую рану открытой.

Он начал умело бинтовать след от осколка, все еще уродливо багровевший на коже. Не удержался — наклонился и поцеловал шрам. Катя сунула ему руку под рубашку и нащупала другой хирургический пластырь — на ребрах, на месте удаления осколка. Он был влажный, но его не требовалось менять часто.

Гектор поцеловал ее плечо. Она чувствовала, как он взвинчен, взволнован.

— Первая наша ночь вместе под одной крышей, — его изменчивый голос охрип.

Катя дотянулась свободной рукой до кофемашины, поставила чистую чашку на поддон и нажала кнопку.

— Вам — двойной эспresso. По нашей традиции.

— Спасибо. Сегодня вечером я приеду за вами в Кашин, а? — бинтуя ее руку, он заглядывал ей в глаза.

— Конечно! — воскликнула Катя (сама от себя не ожидала такого пылкого тона). — Только Кашин далеко.

— Ничего. Подожду вас, — его лицо разом просветлело. — Похороны коллеги — дело хорошее... то есть нужное... то есть я хотел сказать — важное. — Почти прежний Гектор Шлемоблещущий...

— Гек, что произошло? Скажите мне, пожалуйста!

Он был готов рассказать ей все, поделиться. Однако в этот миг Кате позвонил начальник пресс-службы — коллеги за ней приехали (ей хотелось удавить их за пунктуальность!)

— Вам пора, — произнес Гектор.

Катя прошла в прихожую, надела босоножки, забрала сумку и шопер, вернулась на кухню. Выложила на стойку ключи от квартиры.

— Пейте кофе. В холодильнике рис с овощами, как в вашем монастыре единоборств в Тибете. И куриная грудка. Завтракайте. Я плюшки с корицей заберу с собой. Пока едем в Кашин, съем все до одной. До вечера.

На набережной она обернулась, прежде чем сесть в служебный фургон. Гектор вышел на балкон. Осознание, что он провожает ее, что он остался в ее доме и они увидятся вечером, наполнило Катю беспредельной радостью, хотя жгучая тревога ее не покинула. Она решила отложить их важный разговор. Однако ночное происшествие в Кашине с тромбонистом и последующие ужасные события нарушили все ее планы.

Глава 7

СОСЛУЖИВЦЫ

Оба дома — старый и новый сотрудники кашинской полиции осмотрели тщательно и досконально — после первоначального шока на месте убийства опергруппа наконец-то задвигалась, зашевелилась. В старом деревенском доме, как и предположил Гектор ранее, Мосины не жили, превратив его в склад вещей — видимо, решали, что отправится на свалку, а что еще послужит. В старом доме, как убедилась Катя, не оказалось ни желтых обоев в цветочек, ни ходиков с кукушкой — ни в двух комнатах, ни на кухне и террасе. Не обнаружилось и пластикового садового стула с веревками.

Новый коттедж лишь обставлялся мебелью. Мосины обустроили для жилья только кухню, ванную с газовой колонкой да спальню на втором этаже. Смежная со спальней комната пустовала. В спальне кашинские полицейские обнаружили смятую разобранную кровать, однако, судя по домашней одежде потерпевших, Маргарита Мосина и ее

муж или еще не легли спать, или внезапно пробудились, когда к ним явился убийца. В спальне и наверху, а также на лестнице не оказалось следов крови. Не было их и на кухне. И луж санитайзера тоже. И порядок вещей в помещениях никто не нарушал. Никто не рылся в кухонных ящиках и на полках шкафа в спальне, так что следы грабежа в этих помещениях на первый взгляд отсутствовали. Однако не факт, что из дома не пропало нечто ценное. Пока этого никто точно сказать не мог.

Полицейские тщательно обследовали участок. У Мосиных не водилось грядок, вся территория заросла травой, кучей лежали кирпич, доски, трубы, стояло корыто с застывшим цементом — везде доминировали следы строительного беспорядка.

Гектор сам осмотрел входную дверь коттеджа и крыльцо. И Катя осмотрела двери дома и магазина. Ступени крыльца потемнели от влаги. Дождевой ли — бог весть. Гектор спросил у полицейских, кому принадлежат два соседних необитаемых кирпичных дома. Кашинские полицейские ответили: бывшему замглавы администрации Кашина и его брату. Обоих арестовали и посадили за злоупотребления, делом занимался лично полковник Варданян, но случилось это два года назад. Заколоченный продуктовый магазин тоже принадлежал брату замглавы администрации — его никто не купил в Кашине. Семьи осужденных уехали из города, коттеджи выставили на продажу.

Несмотря на августовскую жару, температура в морозильной камере магазина росла очень медленно.

— Они здесь надолго, — шепнул Гектор Кате. — Что нам с ними баклуши бить? Давайте, пока Веригин и его команда заняты осмотром, навестим УВД. Порасспросим сослуживцев Мосиной — о ней самой и ее муже-мяснике.

— Бывшем пожарном, — заметила Катя.

— Заодно и отмоемся, в порядок обувь приведем. — Гектор указал на свои летние щегольские мокасины, испачканные бурым.

Катя глянула на свои ноги — ужас кромешный. На ступнях и босоножках засохла багровая корка.

— Ножки надо помыть, пальчики маленькие, — изрек Гектор непередаваемым тоном. Он явно пытался отвлечь Катю от жуткой картины убийства.

В Кашинском УВД никто не работал, когда Гектор и Катя перекочевали туда из Умнова. Сотрудники полиции собрались в коридоре первого этажа, толпились возле дежурной части, тихо разговаривали. И все же, несмотря на странный всеобщий профессиональный паралич, жизнь в УВД продолжалась — пахло гречневой кашей. Арестантам в ИВС привезли обед. Те не скорбели.

Катя сразу направилась в служебный туалет, скинула босоножки, задрала сначала одну ногу в раковину, вымыла ее с мылом под краном, потом другую, оттерла под струей воды босоножки и поднесла их к сушке для рук. Поток горячего воздуха исправил ситуацию. Но Кате было противно снова надевать босоножки, просовывать ногу в тонкие ремешки — все вспоминалось, как она шагнула в кровавую лужу в страшном доме.

Гектор у дежурной части оттирал свои мокасины влажной салфеткой — воду в бутылке ему передал дежурный. Они тихо обсуждали что-то. Катя обратила внимание — напротив служебного туалета на первом этаже кабинет и табличка «Отдел учета и регистрации». Катя дернула дверь — заперто.

— Здесь, здесь она... наша Маргарита Симеоновна сидела, — произнес за спиной Кати женский голос.

На пороге соседнего кабинета стояли две молодые девицы в штатском. За их спиной старые компьютеры на рабочих столах. И табличка точно такая же — «Отдел учета и регистрации».